

Юра Хадзис

ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ КИРИЛЛА

18+

Юра Хадзис

Евангелие от Кирилла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63183463

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда читаешь Библию, то возникает много вопросов. Если читаешь «без веры», видишь, что четыре признанных «Евангелия» противоречат друг другу. И если ты задумал снять фильм про Иисуса – это становится проблемой. Особенно, если надеешься снять кассовый фильм, то везде ищешь «фишку», что-то такое, что даже в кризис способно принести прибыль. А вдруг Иисус был простым человеком, и богом его назвали его последователи. Тогда он и жил, как простой человек.

Юра Хадзис

Евангелие от Кирилла

Действующие лица:

Кирилл Исаев – режиссер.

Иисус бар Иосиф – проповедник.

Никита Гуренков – продюсер.

Иаков

Симон – братья Иисуса, галилеяне.

Иуда

Петроний Главк – знатный римлянин.

Понтий Пилат – Римский чиновник.

Прочие интеллектуалы города Москвы и жители Палести-

ны.

ВВЕДЕНИЕ.

В истории есть таинственные личности, которые появляются как бы ниоткуда, и исчезают вникуда.

Жанна Д'Арк, Иисус Христос.

С Ричардом III человечество вроде бы разобралось.

Жанна Д'Арк мне не по зубам. Никакая фантазия не сможет подсказать мне, почему двадцатиоднолетняя девица, пусть даже обладающая полководческим гением, смогла по-

вести за собой французских рыцарей и, главное – почему те, не считавшие женщин равными себе – подчинились ей. Даже пусть было пророчество и вера в него – достаточно было просто сделать ее знаменем. Но полководцем! Я – пас.

С Иисусом все проще. Он не разговаривал с царями и не вел за собой аристократов. Его просто сделали богом после его смерти. С этим еще можно совладать.

Сначала напишу, во что я верю. Я твёрдо верю в его воскресение – иначе бы его не обоготворили. Это было убедительное, полноценное воскресение, с множеством свидетелей – такое и сейчас, хоть и редко, случается в морге. Не было бы воскресения, не было бы веры, не было бы мученической смерти его последователей.

Лев Толстой неправ. Воскресение, а не идеи, создали христианство. Идеи были и раньше, и позднее, с ними боролись, их истребляли, но веры они не создали.

Веру создали чудеса. И первое из них – воскресение. Исцеление – это для толпы. Красиво, весома, но не долговечно. Для двух тысяч лет нужно что-то более весомое, такое, чтобы снесло крышу самым неверующим.

Иисуса видели после смерти. И видели именно человека, а не бога. В это я тоже верю.

И еще верю, что Иосиф не был биологическим отцом Иисуса, иначе назореем должен был стать именно Иисус, а не Иаков. Богу иудеи посвящали первенцев – вспомните: первенцев мужского пола овец и скота крупного без порока...

На костях перворожденного сына ставили укрепления и на костях последнего сына заканчивали стройку. Вспомните, кстати, жертвоприношение Авраама, скорее всего, культурного героя евреев. А так как именно назорейство под воздействием более цивилизованных народов заменило жертвоприношение, то Иаков, младший брат Иисуса, никак не мог попасть в число избранных.

Все остальное сложилось у меня, словно мозаика.

Конечно же, это только вариант того, что происходило. События могли сложиться и по-другому. Но это были бы частности, не больше. Основной фон нерушим: родился человек, был проповедником (или политиком, кому как нравится) и взошел на крест за свои убеждения. Тысячи человек проделывали это до него и после.

Шло время. Идеи его изменили, изменили и его сущность, но вера в воскресение его жива до сих пор. И будет жить вечно, потому что это – утешение.

Путь бессмертной души, покинувшей тело, ты знаешь.

Если ее отделить от ума, она вечно блуждает.

Благочестивейший муж обладал той душою; а ныне

Чтут ее люди, чья вера на душу его не похожа.

Оракул богини Гекаты;

Порфирий. Из полемического сочинения

Евсевия, Demonstr. Ev. III 6,39-7,2 Dindo.

Глава 1

Руководство к тому, как надо снимать блокбастер.

Они брели по пыльной, бесконечной дороге. А вокруг растилась выжженная солнцем земля, и в ясном синем небе плавилось белое раскаленное солнце.

Пожилой мужчина, худой и низкорослый, ссутулился под тяжестью бытия. Он вел за собой молодого серого осла с сидящей на нем женщиной. В правой руке, заведенной за спину, мужчина держал веревку, привязанную к уздечке. В левой – была большая суковатая палка, на которую он опирался, как на посох. Мужчина шел обреченно, не поднимая головы, и его ноги в простых сандалиях с деревянной подошвой волочились по земле, оставляя в пыли длинные полосы вместо четко очерченного следа.

Этот человек был беден, и об этом говорили заплатки на его ветхой, но чистой шерстяной тунике с длинными рукавами. Тунику стягивал на бедрах матерчатый пояс с совсем тощим мешочком для денег. Поверх туники был наброшен дорожный плащ, более новый, окрашенный в зеленый цвет.

Человек был немощен, невысок. Голову его покрывал шерстяной платок, и полосатый новый шнур обхватывал узкий лоб, борода росла редкая, клином. Мужчине не было еще и сорока, но лишения и заботы рано состарили его. Он недавно похоронил мать и теперь вел домой жену, выполняя последнюю волю родительницы.

Жену ему нашли родственники, живущие в Кане Галилейской. Была она совсем молоденькой и очень красивой. Но... она не была беспорочной. А иначе разве бы породнилось богатое семейство с ним, бедным плотником из рода простых ремесленников. Его, низкорослого и худого, некрасивого и косноязычного и в лучшие годы женщины не замечали, а то и смеялись над его стеснительностью, замкнутостью и нелюдимостью. Только он не был нелюдимым. Он просто боялся людей, их колких злых языков, их несправедливых суждений и торопливых выводов.

И вот он шел, привычно смотрел в землю и думал, жалея себя и осуждая весь мир.

А за ним, на молодом сером осле ехала девочка, и кому было дело до ее чувств. Она куталась в шелковый, с ярким рисунком головной платок, словно отгораживаясь от всего внешнего. С ней произошло очень страшное, дикое, невыносимое. Ее никто не поддержал, не ободрил. Ее оттолкнули, выбросили, забыли. Что еще ей оставалось? Спрятаться от всего и ждать. Чего? Небытия.

Кирилл Исаев, режиссер и актер, проснулся, потому что мысленно наговаривал текст к виденной во сне зарисовке. Уже светало. Небо за окном поглубело, и в комнате стало светло. Кирилл взял с тумбочки, стоявшей рядом с диваном, телефон, включил и посмотрел время. Было 5.34 утра. Кирилл вздохнул, положил телефон на место и снова вытянул-

ся на матрасе. Ему впервые приснился такой вот осмысленный сон с готовым сюжетом. Сон был цветной, яркий, запоминающийся. Казалось, он жил там, в этом сне и создавал его, как создавал свои фильмы. А раньше ему вообще сны не снились. Или же он их просто не запоминал?

Мужчина был плотником. Звали его Иосиф. Кирилл точно знал это. Женщина, значит, была Марией. И она была напугана. Чем? Замужеством? Переездом? Тем, что ее оторвали от семьи? Конечно же. Это для девушки такой стресс. «Она не была беспорочна». Откуда в его голове взялись такие слова. Беспорочна. Беспорочное зачатие? Приснится же всякая чушь.

Исаев сел на диване, протянул руку и выдвинул ящик тумбочки, где у него хранились лекарства, достал оттуда феназипам, выдал таблетку и проглотил, слегка запрокинув голову. Глотать таблетки без воды он выучился еще в детстве, когда болел ангиной. Снова растянувшись на диване, Кирилл закрыл глаза. Если не думать, заснуть можно быстро. Но он не мог перестать думать.

И снова перед его закрытыми глазами нарисовалась картинка.

Жить было нужно. Обоим. И Иосиф с Марией стали учиться терпеть друг друга. Иосиф по характеру был не злым человеком, хотя и не особенно умным. Мария же оказалась доброй женщиной и неплохой хозяйкой. Она чесала шерсть, тка-

ла, вышивала. Она была беременная, и талия ее округлялась. От этого правоверному иудею Иосифу становилось все хуже и хуже. И только когда ребенок родился, его нарекли Иисусом и за него внесли дар иерусалимскому Храму птенцами голубя, Иосиф словно выздоровел от этой боли и сказал жене, глядя на младенца: «Его отец – Бог наш». Мария вздохнула и улыбнулась впервые за время ее жизни в Назарете.

А Иосиф перепоясался поясом назорейства, перестал стричь тонкие редеющие волосы и стал молиться Богу еще усерднее.

Младенец Иисус рос.

Кирилл вздрогнул и проснулся. Рингтон на телефоне играл Стромае – «Кармен».

– Слушай, старик, я что-то не понял. Снимать то, что уже раз сто снято – ведь под это я должен разыскать деньги? А где гарантия сборов? – даже не поздоровавшись заговорил из динамика сочный баритон прирожденного начальника, а Кирилл Исаев моргал глазами и никак не мог проснуться.

– Ну, если так рассуждать, то фильмы Тарковского... – вяло промямлил он.

– Не надо мне бла-бла. Сейчас кризис, старик. Никто не будет продюсировать бесперспективную мудятину. Убеди, – баритон то возвышался на всю мощь, то нисходил до шёпота.

– Ну, мы...то есть я, хочу снять все...

– То есть...

– Ну... Идея фильма в прослеживании всего пути рождения, взросления и становления Спасителя. Вся жизнь того, кто родился, чтобы спасти человечество. И он знал это с самого детства, то есть, знал, что ему уготована страшная участь, мученичество и смерть. Всю свою недолгую жизнь с этим прожил. Вот и фильм будет – начиная с самого детства... С яслями. С избиением младенцев. Есть такая картина Рубенса «Избиение младенцев».

– Это уже интересно. Будет зрелищно? Новое «Искушение Христа» зрители не вынесут. Мы пролетим, – баритон укоризненно смолк.

– Нет, нет что ты. Я уже представляю себе, смотри: красные плащи римлян, несчастные матери, кровь, спецэффекты. Мороз по коже.

– Где сценарий? – в баритоне прозвучали нотки заинтересованности.

– У меня.

– Кто в главной роли?

– Иисуса Христа? Думаю, я сам сыграю.

– Младенца?

В телефоне возникла пауза ожидания реакции на шутку, и Кирилл Исаев вынужден был засмеяться, стараясь, чтобы это прозвучало естественно. На самом деле ему было не до смеха. Решалась судьба его второго по счету фильма, от которого он ожидал многого.

– Прикалываешься?

– Немного. Нужно же снять остроту момента, а то ты извелся весь.

– А ты как хочешь? Этот фильм может стать совершенно новой вехой...

– Стоп. Созови конференцию, потом толкай речь. А меня избавь. Мне нужна смета: дебит, кредит и бонус в мою пользу. Убеди, и я в команде.

– Правда?

– Точно. Когда встретимся?

– Хоть сейчас.

– Даже так? Впечатлен. Приезжай ко мне часиков к шести.

– Понял.

– Да, еще, кто сценарист?

– Да я.

– А еще?

– Карвовский.

– А. «Синие колокола». Пойдет. Да, почитай Библию. Входи в образ. Сейчас любят интеллектуалов. Может зацепишь что-нибудь эдакое. Свежим глазом.

– Понял. Вхожу. Это мне уже по ночам снится.

– Жду.

– Обязательно.

В унисон с этими словами раздались гудки отбоя. Разговор с продюсером (он надеялся, да что там, почти был уверен – с его продюсером) закончен. Все. Осталось все обдумать к завтрашнему дню.

Сценарий, уже готовый, Карвовский, известный создатель интеллектуальных тем, принес ему на прошлой неделе. Ему осталось только все подцветить, перевести на язык игрового кино. И он с этим справился.

Он уже представляет себе сцену в дороге, волхвов, звезду, бегство в Египет. Да, нужно придерживаться яркости и красок. Больше красного, никакого голубого, кроме неба и только слегка подпустить пыли, чтобы фон не дразнил своей новизной.

И выделить главного героя. В образ Иисуса Христа зрители (или зрительницы) должны влюбиться. Он должен стать секс-символом (он, или актер, играющий его).

В общем, если удача, то на миллион.

Кирилл даже забежал по комнате. Находился он дома в своей однокомнатной квартире в Чертаново, которую купил в прошлом году. Ну и что, что маленькая и в старом доме, и все прочее, зато своя. У многих на Мосфильме нет и этого.

Кирилл остановился, подумал и снова взял в руки мобильник. Телефон был с сенсорным экраном и уже срабатывался от частого употребления. Поэтому прошло какое-то время, прежде чем он смог набрать номер Карвовского.

Тот был всегда на связи: умница, эрудит, трудяга и запойный пьяница. Но работать он умел и имел волю даже не прикасаться к спиртному, пока не разрешал себе расслабиться. Он согласился приехать к Никите Гуренкову тут же.

Жил Гуренков на Тверской, в дорогом районе. Кирилл

бывал у него не раз: квартира известного продюсера была трехкомнатная, хорошо обставленная.

Когда Кирилл Исаев подходил к двери подъезда, его догнал Карвовский: маленький, худой, в очках и в плаще, мешковато висевшим на нем.

Никита Гуренков сидел в своем кабинете, в уютном кресле, держал на коленях ноутбук и от нечего делать, читал Библию.

Он как раз пролистывал Ветхий Завет в поисках имени Иисус и, найдя Иисуса Навина, не мог найти место, где его распинают. Заработал домофон.

Это были Исаев и Карвовский.

С большим облегчением пошел Никита открывать.

– Наконец-то, – сказал он, пропуская в квартиру высокого и стройного режиссера и маленького лысого умника-сценариста в роговых модных очках. – Я тут с головой в Слове Божьем. Кто поможет разобраться?

– Да, конечно, – Исаев оглянулся на Карвовсеого.

– Проходите в кабинет, садитесь, – небрежно поздоровавшись за руку, пригласил их Гуренков, довольно рослый, но толстеющий брюнет.

Карвовский кивнул и прошел к дивану. Он сел в уголке и положил руку на подлокотник. Вся его поза говорила о напряженности и ожидании. Исаев же по праву старинного знакомого, взял пуфик и подсел ближе к любимому креслу Гу-

ренкова.

– Я нашел картину Рубенса, – Гуренков подошел к своему креслу, небрежно свалился в него, взял с журнального столика ноутбук и, проведя рукой по клавишам, восстановил изображение. – В целом, я понял вашу задумку и не против, но хотелось бы кое-что уточнить, сцену избиения младенцев, например. В целом. Фон, краски, костюмы. Фильм не должен быть сухим. Нужен цвет, вкус, палитра. Слушайте, а как у вас насчет Библии?

– Библии? Ну, в инете все можно найти.

– Надеюсь, вы ее читали?

Это прозвучало, как насмешка.

– Никита, обижаешь, – сказал Исаев.

Гуленков кивнул и выжидательно посмотрел на Карвовского.

– К чему это ты? Я же писал про Христа – значит прочел, – Карвовский на своем месте подался вперед, сцепив руки пальцами на подлокотнике.

– Тогда помоги вот найти. А то там Иерихон, труба которая. Война в Ханаане, – Гуленков головой кивнул на второй пуфик, стоявший в углу, рядом с диваном.

– В Ханаане? – Карвовский поспешно поднялся и приблизился к Никите. – Нет, ты все перепутал. Ты это про Иисуса Навина.

– Ну да.

– А нам нужен Новый Завет и Христос.

– А это что...не одно и то же?

– Нет.

– Он же там, это, солнце остановил. Чудо, да? Да сядь, не дыши в затылок.

– Да они там все чудотворцы, – Карвовский быстро присел на маленький пуфик ближе к ноутбуку. – Вот, смотри. Уже прогуглил Библию? Тогда вбиваем Евангелие, листаем. Матфей, родословная, Мария и Иосиф, ангел во сне.

– Вижу, – Никита начал читать, придерживая ноутбук обеими руками. – «Родит же сына и наречешь имя ему Иисус... ибо он спасет людей своих от грехов их...И все сие произошло, да сбудется реченное через пророка...» – ну-ка, ну-ка, что он там говорит? «Се дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя ему: Еммануил...» Что? А я думал – Христос.

– Вообще-то, Иисус. Христос – это на греческом языке – Спаситель, на иврите – Мессия, а Еммануил – с нами бог.

– Это что, второе имя? Как у англичан?

– Да.

Карвовский постарался сказать это уверенно, а Никита был слишком увлечен, чтобы заметить.

– Значит Иисус Еммануил, так что ли?

– Давай просто Иисус, по старинке.

– Что? – Никита внимательно посмотрел на Карвовского. – Ты этого не знаешь?

– Не знаю. Видишь, тут какой-то пророк предсказал Еммануила, а...

– А родился Иисус. Смешно. Как по Монти Пайтону. А знаешь, может это изюминка. Никто же про это не знает. То есть как? Это же Библия, ее изучают 2000 лет. Еммануил... ну надо же. Да, ты прав. Из Еммануила много не сделаешь. Давай-ка, поищем еще что-нибудь эдакое, это же будет круче «Кода да Винче».

– Может сделать просто добротный классический фильм? – Карвовский убрал руку с клавиатуры и устало оперся о стол.

– Ладно. Двигаемся дальше. Что у нас тут. «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы». Что? В какой Иерусалим? А как же ясли? Волхвы. Перепись.

– Подожди. Сейчас. Это в другом Евангелии, – видно было, что Карвовскому все это смертельно надоело. Он уже выполнил свою работу – чего же еще.

– То есть как – в другом? Что вообще происходит у них там?

– Да подожди. Слушай. От Матфея, от Матфея. От Марка Святое Благовествование. Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божьего... Как написано у пророков... Глас вопиющего в пустыне... это не то. Значит следующее. От Луки. Третье синоптическое. У Иоанна совсем по-другому.

– Так. Вот Лука. Для Феофила. «Во дни Ирода был священник...» Это про рождение Иоанна, потом...

– Иоанн, это тот, про которого...

– Нет, это Креститель, – Карвовский даже постукал ногой о ножку стола, чтобы немного отвлечься.

– А тот Иоанн, который написал Апокалипсис?

– Это другой, – умница и интеллеktуал вздохнул: «как его все это заколебало».

– Ладно, проехали. Что там у нас. Так... Елисавета... Это не Богородица, да? Дальше... Так... В шестой месяц был послан ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет... Зачем?.. К деве, обрученной мужу именем Иосиф, из дома Давида. Имя же деве – Мария. В Назарет? Зачем в Назарет? А как же Вифлеем?

– Ну что ты такой реалист. Этой книге 2000 лет. Просто надо читать с верой.

– А фильм снимать как?

– Снимали же остальные.

Никита, не слушая, протянул руку к клавиатуре и принялся листать страницы.

– Нет, правда, здесь, у Матфея, ясно же написано... вот: Иисус родился в Вифлееме Иудейском... там еще страница с именами была. Еммануил, помнишь.

– Ну и что?

– Как что? Мне же деньги искать для съемок. Так где он родился: в Вифлееме, в Назарете или в яслях?

– Видишь, какое обилие выбора. На любой вкус, – Карвовского это все больше и больше раздражало.

– И это, хочешь сказать, классика?

– Это все говорят.

– Ладно. Давай ясли... Потом избиение младенцев. Давай-ка про Ирода поищем. Кто его играть будет. Ну-ка, пробей в Яндексe. Вот он. Так. Ирод Великий. Родился в 73 году до н.э. умер в 4 году до н.э.. Упс! Это как? До рождения Христа? А младенцы? Может другой? Так. Ирод 15 год до н.э. – 44 год н.э., царь Халкидский (Сирия). Тот? Сирия – это Израиль? Сам знаю, что нет. А этот: Ирод Агриппа? Года похожи.

– Нет. При нем Иосиф вернулся в Вифлеем.

– Или Назарет?

– Нет. Точно помню – в Вифлеем.

– Где это?

– У Матфея. Я же писал оттуда.

– Так. Волхвы. Написано через пророка... Ты это читал?

– Нет.

– Найди и прочти. Так... и услышав, что Архелай царствует в Иудеи вместо Ирода, отца...

– Извини, это я ошибся. Ирод Агриппа племянник Архелая. Архелай царствовал с 4 года до н.э. до 6 года н.э. Я вспомнил.

– Упс! Избиение младенцев должно быть при Архелae. Но написано – при Ироде. При Архелae Иосиф вернулся в... в... убоился туда идти... но получив... вошел в пределы Галилейские. И пришед, поселился в городе Назарете. А чего ему туда селиться, если он и так там жил.

– Слушай, ну чего ты хочешь? Ну, написано и так, и сяк – выбирай.

– А знаешь что, – Никита оторвался от экрана. – Если нам снять совсем другой фильм. Не известный Христос. С такой вот точки зрения. Ведь как-то все это было на самом деле.

– Ты много хочешь. Откуда мы это узнаем. Не раскопки же нам производить.

– А ты знаешь, что Ричард III не был горбуном и не убивал племянников.

– Знаю, читал.

– Так вот. Мы, не сходя с места, оправдали в глазах истории Ирода Великого. Не убивал он младенцев, не виновен, вердикт.

– Конечно, не виновен. Тогда уже Палестину завоевали римляне. В 63 году до н.э.. Полководец Помпей.

– Правда?

– Не смейся. Рим – это закон. Они бы не позволили так глупо провоцировать восстание.

– А как же картина? Там же солдаты...

– Солдаты были только у римлян. У четвертовластников был только ограниченный контингент.

– Точно?

– Точно. Кстати, Ирод не был самостоятельным царем. Только ставленником, для удобства Рима. Произойди такое избиение, и дело бы получило огласку, началось бы разбирательство и нашло бы отражение в хрониках того време-

ни. Скорее всего, это была более древняя легенда. Помнишь, может быть, как у Моисея? «И призвал фараон повивальных бабок и приказал убивать всех младенцев мужского пола едва родившимися». Ну или что-то в этом роде.

– Так как же Рубенс? Прощай сцена, значит, да?

– Как скажешь.

– А ясли?

– Перепись была в 6 году н.э. при Публии Сульпиции Квинрине. Он был наместником в Сирии и организовал перепись евреев с целью определения подушного налога. Записывались только мужчины и по месту жительства.

– Значит, и ясли тю-тю, – Никита развел ладони, показывая, что растерял все свои идеи.

– Почему? Мы же экранизируем Евангелие, а не ведем теократическое изыскание.

– Как можно экранизировать историю человека, который рождался в течении 10 лет.

– Так Иисус же бог.

– Да, точно. Солнце, например, останавливал. Нет, извините, и с солнцем напряг. Да что у нас тогда вообще остается?

– Спаситель.

– Кого? От чего? Слушай, мы же не дети. Мир не изменился с тех пор. Только в технике прогресс. А люди те же. Я бизнесмен, я это точно знаю.

– Первородный грех.

– Ну тебя. Я лично не ел то яблоко. А Бог слишком велик, чтобы быть мелочным и злопамятным.

Кирилл молчал, глядя на светящийся экран ноутбука, на Гуренкова, на Карвовского. Он или терял свой фильм, или обретал его вновь.

– Слушай, Сав, а ты в церковь ходишь? – неожиданно спросил Гуренков.

– Ну да.

– Когда в последний раз был?

Карвовский задумался, потом как-то вяло ответил:

– Да вот, на пасху.

– Эту?

– В прошлом году.

– Я от тебя ожидал большего. Тебя же считают православным писателем.

– Я этого не говорил, – Карвовский небрежно и деланно отмахнулся от того, чем в душе гордился.

– Понятно. Что они там, в церкви говорят об этих неувязках?

– А никто о них не знает.

– Ну, они же читают Библию.

– Вряд ли.

– Все что ли?

– Ну, кто читает, не связывает воедино все куски. А в отдельности вроде даже ничего. Читают с верой и все. Должен же быть у человека идеал. Вера.

– Надежда. Любовь. Мы не на семинаре. Слушай, а может быть ошибка с датами?

– Нет, это исключено.

– Да. Давай, покрутим в эту сторону. Можно же обойтись без яслей и избияения.

– Как скажешь. Зря ты так зацикливаешься. Сделай хорошую экранизацию и все. Иоанна, положим, снял Филипп Севиль. Но и нам остаются три синоптических. Там тебе и ясли у Луки, и избияение у Матфея. А если предложить сценарий РПЦ?

– Нет. Если деньги даст РПЦ, то это будет фильм для внутреннего пользования. Сухое это дело: простая иллюстрация, где выполняется каждое указание РПЦ. Ребята в рясах не дают сделать ни одного шага в сторону. Мой друг с ними работал. Такой фильм будет неинтересен широкой публике, и его никто смотреть не станет, кроме самих церковников. Давай так. Я беру ваш сценарий. Пока идет подготовка, вы еще что-нибудь нароете. По рукам?

– Ладно.

– Только будьте на связи.

Они попрощались. И когда Никита закрывал за ними дверь, то подумал, что не надо быть пророком, чтобы предсказать, что Карвовский на грани запоя.

Кирилл и Савелий вышли из подъезда и вздохнули с облегчением.

– Вот тебе бабушка и юрьев день, – проговорил Карвовский.

– Да уж, – Исаев посмотрел на свою машину. – Тебя подвести?

– Да, спасибо. За одно и обсудим кое-что.

Исаев, подойдя к машине, снял ее с сигнализации и стал отпирать дверцу. Мужчины сели в нагретый салон. День был солнечный. Кирилл опустил наполовину стекло в окошке с его стороны.

– Обидно, я так рассчитывал, что уже все закончилось, – проговорил Карвовский, когда машина выруливала со стоянки. – Да и другие дела стоят.

«Стой, – подумал Исаев. – я бы уже к съемкам мог приступить».

– Знаешь, Кирилл, – начал Карвовский немного неуверенным тоном. – Как я пришел к идее нашего сценария? Это я тебе говорю для ненавязчивого пиара. Потом раскрути с журналистами. Где-то за полгода перед началом написания я начал видеть перед глазами лик. Да-да, не подумай, я не придумываю. Все так. Покурить можно?

– Валяй, – Исаев щелкнул рычажок, включая вытяжку и открыл пепельницу.

– Зажигалка работает? – спросил Карвовский.

– Да.

Карвовский вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. – Хочешь, – рассеяно предложил он, когда уже спрятал

сигареты в карман.

– Нет. Продолжай, что там у тебя?

– Про что?

– Про лик?

– А. Ну, понимаешь, я видел его довольно часто. Знаешь, в рисунках мебели он угадывался, в узорах обоев, линолиума. В полудреме появлялся. Нет, не так часто. Просто бывало.

– И что?

– Нет, ничего. Я думал – поможет распиарить фильм.

– А. А что за лик-то?

– Ну, Иисус. Лицо с бородой, волосы длинные, знаешь, я потом иллюстрацию Дорэ увидел, точь-в-точь. Это и заставило меня засесть за сценарий.

– И на кого он был похож?

– Кто? – Карвовский внимательно посмотрел на Исаева: не смеется ли он. – Бог что ли? На икону, конечно.

Исаев только кашлянул. Он никогда бы не стал рассказывать про свой сон. Да и поймут ли его.

Вернувшись домой, Кирилл Исаев сел за свой компьютер и стал размышлять. Кто он, маленький Христос, сын Божий? Кем был тот человек, которого мечтает сыграть каждый современный актер.

Кто был он сам, маленький Кирилл? Ведь он будет играть Христа, придется искать ребенка, похожего на него. У мате-

ри сохранились его детские фотографии, надо будет позволить ей.

Кирилл поднялся и взялся за сигарету. Он устал. И правда, почему бы не экранизировать один из трех оставшихся Евангелий. Так просто. «Ника», по крайней мере, за это обеспечена. Там и престиж, и соответствующий имидж.

Кирилл лег с сигаретой на диван, наслаждаясь каждой затяжкой, и стараясь при этом ничего не думать – занятие, которое у большинства людей получается лучше всего.

Он расслабился. Правая рука с сигаретой покоилась на груди. Замутненный взгляд еще видел тлеющий кончик. Но тление постепенно тухло, сознание покрывалось туманом. И он заснул в одно мгновение с тем, как окончательно потухла его сигарета. Все. Как выключили свет.

Глава 2

Иисус Бен Иосиф.

Считается, что самый длинный и хорошо запоминающийся сон приходится ближе к концу. Первая же черед сновидений проходит, как в калейдоскопе, не оставляя ничего, кроме смутных чувств. У Исаева это были разговоры, горящий экран монитора, съемки, аппаратура.

И возникла улочка. Выбитые в скале ступеньки тянулись от единственного источника вверх. Пыльная улочка между глиняными домиками с плоскими крышами и торчавшими

деревянными балками и столбами. Веревки тянулись между ними, и одежда из льна и шерсти сушилась там.

Маленькие взъерошенные дети, одетые в лохмотья, которые едва прикрывали их худенькие загорелые тела, играли в камешки у невысокого крыльца. Они были похожи: грязные потеки на смуглых лицах, кудрявые длинные волосы, большие карие глаза. И громкие, пронзительные голоса. Дети ссорились, размахивали руками, сидя на корточках. Вдруг один из них, самый крупный, резко подался вперед и с силой толкнул мальчика, сидевшего напротив, самого худенького из всех. Тот опрокинулся навзничь. Остальные только этого и ждали. Как растревоженные воробьи, набросились они на товарища, набивая ему рот пылью, чтобы не кричал.

Но тут еще один мальчик, старше их года на два, выскочил из дома неподалеку и бросился к куче барахтающихся тел. Босые ноги его тонули в пыли.

Подбежав к детям, мальчик стал их раскидывать, растаскивать, пока не поднял самого маленького, всего серого от пыли.

– Тебе не больно, Иаков? – встревоженно говорил он, тебя того, полузадохнувшегося и молчавшего.

Ошеломленный Иаков был не в силах ни дышать, ни говорить, только тряс головой, и пыль и камешки сыпались из его кудряшек.

– Что вы делаете, неразумные? – мальчик обернулся к другим детям, отскочившим подальше, но не разбежавшим-

ся. – Он же меньше вас всех, зачем вы его обижаете!

– Сам без разума! – бойко выкрикнул старший мальчик, немногим меньше его самого. – Тоже мне, бар Иосиф!

– Бар Пандера, Бар Пандера!

Сын Иосифа вздрогнул, словно от удара, закусил губу, сдерживаясь. Он даже не сжал кулаки, хотя и был явно сильнее всех тех, кто дразнил его. Он только переступил ногами, посмотрел на Иакова и начал стряхивать с него пыль.

– Идем домой, – сказал он мальчику, уже пришедшему в себя. – Не играй больше с ними.

– Они нечестно забрали мои раковины, те, которые ты собрал для меня в Гиппосе.

– Ну и что? Я поеду туда с отцом и еще наберу много ракушек для тебя. Господь призывает нас к миру.

В это время в мальчиков полетел первый камень. Он, брошенный еще неуверенной рукой, упал в пыль позади младшего мальчика.

– Я видел, я видел, это кинул Михей-криворукий. Михей-криворукий.

Тут второй камень ударил в спину старшего мальчика. Тот медленно повернулся. Третий камень попал ему в грудь и стало так больно, что мальчик схватился за это место обеими руками.

– А ну-ка пошли. Безбожники. Пророка Елисея и его медведиц на вас нет.

Проходивший мимо пожилой мужчина поднял свой посох

наподобие копыя и стал им размахивать во все стороны до тех пор, пока сорванцы не разбежались, уstraшенные.

– А ты, Иисус, не стой так, тоже возьми камень.

Иаков быстрее пращи принялся исполнять совет и кидать вслед маленьким сорванцам увесистые булыжники.

– Я не могу, – ответил Иисус, одергивая Иакова. – Я же старше их.

– Вот и надери им уши. Будь я моложе, я бы не отстал.

– Они еще неразумные, дядюшки. Нельзя на них обижаться.

– Ох, и глупым ты растешь. Ну да ладно. Скажи лучше, Иисус, когда будет готова моя новая дверь.

– Сегодня мы с отцом закончим вырезать орнамент, и к завтрашнему утру все будет готово.

– Хорошо, я пришлю сына.

– Я сам принесу вам, не нужно трудиться.

– Добрый ты мальчик. И все-таки я пришлю сына. Передай от меня поклон отцу.

– Спасибо, дядюшка. Доброго вам дня.

– До завтра, сынок.

Мужчина ушел, а два мальчика остались стоять посреди пыльной улицы.

– Послушай, брат, – начал говорить младший из них. – Тебя зовут бар Иосиф, как взрослого, это понятно. Но почему тебя дразнят бар Пантера? Наш же отец не пантера. Он совсем не похож на пантеру. Или он все же пантера?

– Нет. И не говори так. Пошли домой.

– Но ответь мне. Почему ты мне никогда не отвечаешь?

– Не привязывайся. Я не хочу отвечать.

– Почему? Пантера, это что, плохо?

– Да. Это неправильно. Они все глупые. Они не знают ничего.

– Чего? А ты это знаешь? Тогда скажи мне.

– Отвяжись.

– Ты мой лучший друг. Я люблю тебя больше папы, больше мамы и даже больше Бога.

– Не говори так. Бог превыше всего.

– Ты мой Бог.

– Не греши.

Бар Пантера – стояло в ушах у мальчика. И как это часто бывает у подростков, развязка наступила гораздо позже. Был уже вечер, когда он забрался в сарай, где сохли доски, привезенные из Гиппоса. И тут его прорвало.

Все семейство уже село обедать, когда заметили, что в доме нет старшего сына. Иаков рвался было искать его, но отец остановил его, справедливо решив, что потом придется искать уже двоих.

Мать сама пошла на улицу. Но там было пустынно. Иисус никогда не убегал, не спросившись. Немного поразмышляв, мать вернулась назад и, пройдя во внутренний дворик, осмотрелась.

Сарай и раньше притягивал впечатлительного и мечта-

тельного старшего сына. Войдя в него, она сразу заметила ссутулившуюся маленькую фигурку.

Подойдя к сыну, она села на доски и обняла склоненные плечи.

– Пойдем, я сварила твою любимую чечевицу. Похлебка остынет и станет не вкусной.

Мальчик не шевелился.

– Тебя обидели? Ну, ответь мне.

Мальчик как застыл, только напрягал спину, сопротивляясь маминым рукам.

– Что с тобой, сынок?

Мальчик не шевелился по-прежнему.

Мать обнимала его все крепче, прижимая к себе его плечи и голову, и шепча сотни ласковых слов. Мальчик едва терпел. Но он был мал, а обида была большая. Наконец его прорвало. Сначала слабо, потом сильнее начал он вырываться, отталкивая от себя ее руки. В его душе кипела борьба. Он винил мать во всех своих бедах. И обида наконец вплеснулась наружу, а так как мальчик от природы был добр и мягок, эта вспышка ограничилась громким плачем и словами:

– Пусти меня, пусти.

– Да Господь Всемогущий, что же с тобой?

– Мне плохо, неужели не видишь!

– Кто тебя обидел? Ответь мне. Скажи, и я сама оторву ему уши.

– Всем не оторвешь. Они говорят мне такое...

– Что говорят?

– Не могу повторить, мне стыдно.

– Да скажи. Если не мне, сейчас позову Иосифа.

– Не надо, не зови его. Они говорили про тебя. О, мама, как мне больно!

Мать Иисуса замерла, теперь уже сама прижимаясь к сыну. И заплакала, тихонько вздрагивая при каждом вздохе.

Это отрезвило мальчика. Стараясь заглянуть ей в лицо, он тихонько отстранялся от нее, но она теснее прижималась к его плечу, словно прячась от глаз сына.

– Мама, я побью их за тебя. Они больше не посмеют...

– Не надо, сынок, – голос матери не дрожал от плача, но звучал очень тихо, почти шепотом. – Они невинны. Им просто не понять нас. Тебя ли не любит отец твой, Иосиф, не ставит ли он тебя вровень с собой перед лицом Бога и людей. Не тебе ли он передает работу свою и жизнь свою.

– Да, мама. Папа хороший со мной.

– Любит ли он тебя прежде других детей по первородству? Не он ли платит хаззану Иеремею за то, чтобы тот учил тебя Закону.

– И это правда.

Иисус понемногу успокоился. Но все-таки нечто еще терзало мальчика.

– Мама, скажи, кто он?

– Кто? – можно было скорее угадать, чем услышать голос бедной женщины.

– Тот, от кого ты зачала меня.

Женщина обмерла и едва слышно прошептала, как будто бы давно подготовила ответ:

– Он – Всемогущий.

– Мой отец? Мама...

– Это Господь Бог наш Саваоф, сынок, и ты любимое его дитя. Только не говори об этом никому, люди не поймут этого.

Иисус словно знал это всю свою жизнь. Он облегченно вздохнул и обнял мать за шею.

– Они говорили, мама, что римский солдат насильно сделал это с тобой.

– Нет, сыночек, нет.

– А Пантера, это они врут. Это по-гречески: партенос – дева. Так сказал в Гиппосе продавец леса. Дядюшка Овид услышал это и переврал, потому что не знает греческий. Мама, это папа всем рассказал, да?

– Нет. Твой папа – святой человек. А людям просто этого не понять. Давай простим их, пожалуйста.

– Простим. А мой отец, он смотрит на меня?

– Да, сынок. Каждый день, каждую минуту. Он ходит среди нас, и ты его очень радуешь, милый.

– Я знал это всегда, мама. Я знал, что не такой, как другие. Я ведь был избранный, правда?

– Да, сынок, да.

– Дай разок, дай.

Кирилл вздрогнул. Дурацкий будильник и дурацкая, сверх дурацкая музыка.

Он с отвращением отключил телефон. И продолжал лежать, не двигаясь. Ему приснилась готовая сцена. Он все видел, он там был. И он был мальчиком Иисусом настолько, что даже проснувшись, не мог целиком прийти в себя. Он еще жил в пыльном городишке беспокойной Галилеи. Он вдыхал нагретый солнцем воздух, и пыль словно скрипела на его зубах.

Мальчик и его мама. Кирилл, не умея выйти из обаяния сна, стал его примеривать на себя.

Он рос без отца. Когда ему исполнилось 6 лет, и нужно было идти в школу, мать написала в анкете, что отца у него нет. У многих ребят сейчас нет официальных отцов. И они пристают к матерям с расспросами. Приставал и он. Его, конечно же, никто не дразнил, но вопросов об отце он задавал не меньше. И однажды, когда ему исполнилось десять, мама достала из старой сумки, где хранились документы, фотографию, старую, черно-белую, на которой изображена была она, молодая и красивая и очень известный артист, любимец женщин и секс-символ того времени. Они стояли на пороге той гостиницы, в которой она работала администратором.

Кирилл уже тогда любил этого артиста и знал фильмы с его участием. И он с замиранием сердца разглядывал эту фотографию.

– Ты его знаешь, мама? А почему ты раньше мне не показывала этот снимок?

Ответ матери ошеломил его и изменил всю его дальнейшую жизнь.

– Он твой отец.

Кирилл поверил в это сразу и надолго. Сердце его забило от восторга, он принялся обнимать и целовать свою мать.

Но потом появились новые вопросы. Где папа, любит ли он его. И почему не приезжает к нему. Мать выкручивалась, как могла. А он верил ей. Знакомые матери подтверждали это случайными репликами, вопросами, остротами. «Твой Андрей», – говорили они, обсуждая очередной фильм с его участием.

Кирилл же твердо решил стать артистом. И это с десяти лет и навсегда. Он мечтал не о сцене и кинофильмах со своим участием, он мечтал о встрече с отцом. С любовью или с упреками, это смотря по возрасту и настроению. И вот однажды он приехал в Москву. Там жила сестра матери со своим мужем. Он остановился у них и попытался поступить во ВГИК, в театральное училище, опять во ВГИК, пока ему не посоветовали поступить во ВГИК на кинооператора. Там конкурс был меньше. И Кириллу с третьей попытке это удалось. Учась на кинооператора, Кирилл понял, что путь в кинобизнесе устлан не розами и никого здесь не интересовало, есть у тебя талант или нет. И то, что он сын знаменитости, о

котором сама знаменитость не знала, делало его обособленным и избранным. К счастью, перед встречей со своим предполагаемым отцом, Кирилл навел справки и узнал, что тот физически не мог им быть, так как находился в то время на кинофестивале в Германии. Стопроцентное алиби. Ну, что тут поделаешь. Не бросать же из-за этого ВГИК.

Кирилл легко перенес разочарование, мать не упрекал и других отцов больше не искал.

Вот и все сравнение с детством Иисуса. Только у него была точная метрическая запись о месте и дне рождения.

Вспоминая свое детство, он постепенно вернулся к реальности, но все равно словно часть его оставалась там, в пыльном Назарете, и это отдавалось в его душе чем-то ноющим.

Глава 3.

Бар Пантера или чего не знал Иосиф Флавий.

Под правлением четвертовластника Галилеи и Переи Ирода Антипы, сына Ирода Великого и Мальфисы, север Палестины нищал все больше. Это была прекрасная страна, богатая и счастливая, только не для всех. Поборы, кормившие Иерусалимский Храм и ненасытный Рим увеличивались, чтобы уплатить их, крестьяне и мелкие ремесленники влезали в долги к ростовщикам, долги росли, и тогда люди лишались имущества, собственности и свободы.

Земля эта, покрытая ковром из трав и цветов, виноград-

никами и садами олив, еще не высохла от крови Иуды Галилиянина из города Гамалы. Политые этой кровью семена дали прекрасные всходы – партию zelотов, основанную Галилиянином. Все обобранные и обиженные, обнищавшие и не имеющие пристанища, шли к ним в надежде найти свою долю.

«Они отличались неукротимой любовью к свободе, – писал про них Иосиф Флавий в своем труде «Иудейские войны», – и поэтому настаивали, что только бог может быть их Владыкой и царем... Они готовы были понести величайшие пытки и даже подвергнуть им всех друзей и родных, но не согласятся признать какого-нибудь человека своим господином... боюсь... что у меня не хватит слов, чтобы описать, с каким презрением к смерти и терпением они выносили величайшие муки. Это безумие, точно эпидемия, охватило весь народ» ...

Семья Иосифа-плотника из Назарета переживала тяжелые времена, и виной всему был ростовщик Симон-кривой, старый друг семьи. Постепенно, одалживая монету за монетой, он довел товарища детских игр почти что до полной нищеты.

Теперь уже Иосиф не мог прокормить семью своим ремеслом. Он часто уходил из дома, нанимаясь на большие стройки в римские и греческие поселения.

Он брал с собой не Иисуса, а второго своего сына, Иакова, с рождения посвященного богу. Мальчик, под влиянием от-

ца, очень богобоязненного человека, с ранних лет выпитывал в себя традиции назорейства.

А Иисус же с 12 лет нанимался пасти скот. Овцы и несколько ослов и ослиц составляли его стадо. Он, как и Давид когда-то, играл им на свирели, любовался природой и думал, много думал. Особенно много он вспоминал, как ходил с родителями в Иерусалимский Храм на праздник.

Иосиф купил тогда птенцов голубя для жертвы, и торговец, продающий жертвенных животных, сказал, что Богу можно принести дар и побогаче. Иисус не стерпел, и, отстав от отца, ответил, что Отец Небесный так велик и могуч, что для него и птенец голубя, и жертвенный вол значат только одно – любовь и почитание, а богата или нет жертва, ему безразлично, главное, что в мыслях у человека.

Торговец, желая уничтожить наглого мальчишку, велел ему не отпускать подола его отца, чтобы не потеряться, а Иисус ответил ему, что отец у него только один, Небесный, самый великий и могучий из всех. Это звучало кощунственно, но торговец попался добродушный, и он только съязвил подоспевшему Иосифу, что ему нужна помощь, чтобы удержать возле себя своих отпрысков. Увидев же, насколько непохожи друг на друга отец и сын, он еще добавил, что в заделывании их ему тоже кто-то помог.

Иосиф тогда страшно разозлился. Всю дорогу он пенял жене и сыну, ворчал и ворчал, а Иисус, отстав от них, был сильно подавлен и все сильнее и сильнее уходил в себя.

Он отдалялся все больше от родителей и от Иосифа-плотника, и от Марии, совершенно измученной нищетой и деторождением. Эти маленькие, кричащие, требующие еды и ласки, умиравшие и рождавшиеся существа поглощали ее, выматывали и делали не способной на чувства и мысли.

А Иисус думал. Часто в мыслях своих он обращался к Отцу Небесному, считая, что только он понимает его и направляет в жизненном пути.

С возрастом он все больше отличался от братьев и сестер, и от всех жителей маленькой общины. Рослый и более светлокожий, чем остальные, он имел голубые глаза на правильном удлинённом лице. Нос его, хоть и был орлиной формы, только слегка горбился, подбородок выпирал, указывая на волю и целеустремленность

Бар Пантера – это стало его постоянным прозвищем

Бар Пантера – бросали ему, словно камни, и он с трудом сдерживался.

Он был силен и не раз доказывал это, разгоняя простым посохом стаю бродячих собак, угрожавших его стаду.

«В селениях людей узнают еще до рождения». За Иисуса дали бедную жертву, птенцов голубя, и это ставили ему в вину любители собирать сплетни.

Иисуса поддерживали только мысли о небесном отце. Именно они формировали его понимание мира и ощущение себя в нем. Людей он все чаще сравнивал с овцами, доверенными ему. Они малы и неразумны, – думал он.

Незаметно для родителей и односельчан он мужал разумом и телом. Он любил одиночество, и он был пастухом.

Иисус все больше отдалялся от семьи, и семья все больше отдалялась от него. Очень редко ему попадались свитки с выдержками из священного писания, и он, благословляя свое умение читать, буквально выучивал их наизусть, запечатлевая каждую букву в своем сердце. Попадались ему и языческие свитки – к ним он даже не прикасался, чтобы не оскверниться. Слышал он и сказания о Дионисе, сыне Зевса и земной женщины и о других полубогах-полулюдях и думал, что его отец, сам Саваоф, а он его любимый сын.

Палестина ждала тогда Мессию, потомка Давида, который однажды выйдет из Египта, как вышел когда-то Моисей. Речи пророков, записанные в Танахе, или передаваемые устной Торой, каждый толковал в меру своего понимания.

Иисус с детства еще решил для себя, что Спасителем должен стать он, не из рода Давида, а сын куда более великого отца.

– А ты знаешь, у Булгакова Иисуса звали Иешуа-ноцри, – сказал, допивая из банки пиво, Никита Гуренков.

Толстеющий, он любил уют и покой. Глубокое кресло лучше всего подходило ему.

Кирилл сидел на пуфике позади него и не отрывался от экрана ноутбука, считывая оттуда свои наброски.

– Да. Иешуа. Ноцри – назаретянин по-арамейски.

– Ты, похоже, подковался в части теологии, – баритон Никиты вживую звучал еще сочнее, интонации были более выражены. – От этого умника заразился?

– Пошарахался в инете.

– Попал под влияние Карвовского что ли, с его вечными поисками Бога?

– Я пытался найти зерно истины. Знаешь, у Руслана Хазарзара довольно складная картина.

– Он согласится сотрудничать? Если привлечь?

– Не знаю. Еще не пробовал. Знаешь, Никита, что если попробовать подойти к этому вопросу без веры.

– То есть как? К Богу и без веры? – Гуренков от удивления даже поставил недопитую банку на стол и поглядел на Кирилла, развернувшись к нему всем корпусом, хотя в прошлую встречу сам же давал ему такой совет.

– Сам Иисус никогда не называл себя богом. И, знаешь, слово «господь» в Евангелиях, это староеврейское «а-док» или арамейское «ма-ра» – имеющий власть, просто вежливое обращение к учителю.

– А ты, брат, подкован. Я впечатлен. Это Карвовский тебя поднатаскал?

– Нет. Я его не видел с прошлого четверга.

– В запое?

– Боюсь, да. Слушай, Никита, ты же сам сказал, что нужна изюминка. Так вот, я в поиске. Знаешь, у Хазарзара много интересных идей.

– Углубишь тему?

– Знаешь, Никита, давай снимем фильм не о Боге, а о человеке, который стал богом для последующих поколений.

– Слушай, ты случайно не атеист? – голос Гуренкова звучал обличающее.

– Ни то, ни се, – Кирилл почувствовал себя неуютно. – Случая не было задуматься. Просто, когда читаешь Евангелие, там столько нестыковок, – он уже почти что оправдывался.

– Это как? На вечную книгу критику наводишь?

– Да нет. Просто снимать это невозможно.

– Ну, знаешь ли. Наши предки читали Библию, и все было тип-топ, а пришел вот Кирилл Батькович и все, остальные вроде как – дураки? Да сколько вон фильмов сняли по Библии. Знаешь что, дай мне сценарий, я и без тебя найду, кто снимет мне этот фильм.

– Да я, Никита, это так, чтобы лучше получилось.

– Получится у тебя. У меня мама в церковь ходила, не позволю обосрать ее память. В общем, хочешь работать со мной, готовь команду.

– Хорошо.

– То-то. Знаешь, все твои нестыковки – это история, древняя история и наверняка специалисты находят им объяснение. А ты в это не лезь. Так-то. А среднее арифметическое тут не выведешь.

Шли годы. Иисус вырослел. Он оставался добрым, кротким юношей, но сросшиеся темные брови говорили о резком порывистом нраве, таившимся глубоко в его сознании. Брат его, Иаков-назорей, посвященный с рождения Богу, напротив, становился все жестче и нетерпимее. От его младенческой любви и почитании старшего брата не осталось и следа. Поддерживаемый отцом, он и часа не мог провести со старшим братом и не поругаться. Мать его молчала, и каждый в семье истолковывал ее молчание в свою пользу.

Жили они все хуже. Мать уже давно не готовила мясо, а отец объяснял детям, что посвященным есть мясо нельзя. Но соседи, замечавшие все, смеялись, что даже если бы срок назорейства закончился, мясо бы в семье все равно не появилось, потому что купить его плотник мог бы, только продав пояс обета своего сына, а за него много не выручишь.

Иаков делал вид, что и сам верит в то, что он счастлив. Но в груди Иисуса билось сердце мятежника. Он рано научился отличать лицемерие от искренности. Он любил сердечные разговоры, любил мясо и любил вкус вина, но случаи, когда он это пробовал, он мог перечислить на пальцах одной руки.

Галилею называли языческой. Галилею называли разбойной. Она последней приняла культ единого бога, ее еще недавно заселяли язычники: греки и сирийцы. И эта страна дала Палестине течение zelотов, людей, готовых умереть за единого своего Бога.

Мессию в Галилеи ждали больше всего. Люди с надеж-

дой слушали бродячих пророков и предсказателей. Свитки с пророчествами Ездры читали в молитвенных домах.

Иисус же знал твердо, что Спаситель – это он и ждал своего часа.

Однажды он исчез из дома, ушел, не взяв ничего, кроме той одежды, которая была на его плечах.

«Кармен» начала звучать, как всегда, не вовремя. Верно говорят: если хочешь, чтобы любимая мелодия стала ненавистной, поставь ее на звонок телефона.

Кирилл, мучаясь от боли в голове и воспоминаний о вчерашней вечеринке, взглянул на часы: было без четверти девять. Он потянулся за телефоном и, взяв его в руку, посмотрел на экран. Там высветился номер вызывающего – номер Никиты Гуренкова.

Звонок был долгожданный, неожиданный и... лучше бы его не было.

Но Никита не любил подобное обращения. Кирилл включил громкую связь и положил телефон на стол.

– Да, Никита, я слушаю.

– Ты что потерялся? Я устал ждать, сижу, как балбес, с наушником в ухе. Слушай, я тут пошлялся по Либрусеку и кое-что нарыл. Но не буду тебя мучить. Скажи, фамилия Никонов тебе ни о чем не говорит? «Опиум для народа», а? Так я и думал. Что бы ты без меня делал? То-то. «Если бы не я, не я, не было б тебя». Ну, ладно. Статья называется: «Религия

– опиум для народа», автор – Александр Петрович Никонов. Его данные уже у тебя. Читаешь, разговариваешь. Это такая фишка, скажу я тебе. На переделку – две недели. Хочешь, делай все сам, хочешь, подключай кого, мне без разницы.

И в телефоне все смолкло, словно прекратился за окном ливень. Только телефон жил и медленно затухал в руке.

Все. Опять рутина. А он вчера обмывал с друзьями начало работы над новым фильмом. Вот уж, действительно: человек предполагает...

Разыскать бы Карвовского. Но как Кирилл не истязал телефон, с Савелием соединиться он не смог. Надо бы подключиться к интернету, хоть ознакомиться.

Кирилл с неохотой встал, сел к столу и открыл ноутбук. Есть вариант подключить к написанию сценария самого А.П.Никонова. Это будет само по себе уже фишкой. Ученый, соавтор, такое всегда котируется в кинобизнесе.

Войдя в интернет, Кирилл первым делом открыл свой почтовый ящик. Одно неп прочитанное письмо, письмо Гуренкова, ждало его. Вначале оно было по-деловому лаконичное: данные Никонова, его адрес, адрес его электронной почты в Mail.ru, немного о нем. А дальше пространные ценные указания типа: обрати внимание на главу: «Евангелие от Кирилла», Кирилл Коликов, писатель, ученый, экономист, друг Никонова. Учти, они оба атеисты – сейчас это в России не модно. Попробуй писать сценарий с верой, как у Дэна Брауна... Кирилл – это фишка, он твой тезка, чувствуешь пи-

ар?.. – и много еще пустой информации.

На всякий случай, ничего не стирая, Кирилл упростил свою жизнь, пробив данные автора и статью в Яндексе, открыл страницу и начал было искать нужную главу, потом махнул рукой, оставил открытым окно и вернул выделенный почтовый адрес Никонова. Неизвестно еще, когда тот прочитает его послание. В письме Кирилл, назвал себя, написал свое предложение о сотрудничестве и попросил позвонить ему по мобильнику, или связаться через интернет.

Потом вернулся к статье и открыл 3 главу, пропустив, по обыкновению, начало:

Выбирай на свой вкус, – он отметил лишь фразу:

Относиться к «Евангелию от Кирилла» нужно...

Он углубился в чтение «Иудейских шахмат». И увлекся так, что не сразу даже взял зазвеневший телефон, вяло ответил и переключил на громкую связь, чтобы не отвлекаться от экрана.

–...Вы знаете, вам повезло. Я уже собрался уходить, когда заглянул в почтовый ящик.

Тут только до Кирилла дошло, это говорил Никонов, сам Никонов, Александр Петрович, человек, чью работу он читает, разговаривает сейчас с ним. Вот это скорость!

– Вы меня слышите?

– Да, конечно, – Кирилл заговорил излишне живо и радужно. – Вы знаете, прямо невероятно, я прямо сейчас читаю ваш «Опиум».

– Да? Вам нравится?

– Необычно. Непривычно. Это настоящая фишка.

– Рад. А «фишка», это что, похвала?

– Да. Своеобразная.

– Остановимся на частице «да». Но почему такой интерес? «Опиум» – это уже пройденный этап. У меня есть и более свежее.

– Про Иисуса?

– Нет. Но...

– Видите ли, я же написал вам, что я режиссер и хочу снять фильм про Иисуса Христа. Вы не согласились бы быть консультантом и оказать помощь в написании сценария?

– В написании? Или самому написать?

– А вы бы могли?

– С «Божьей» помощью, – Никонов почти смеялся. Может быть обрадовался зарплатку?

– А Кирилла... Кирилла Коликова вы бы не могли привлечь?

– Вы читали «Опиум»? Точно?

– Ну да. Сейчас дошел до «Христос воскрес». Уже дочитываю.

– Вы пропустили то место. Вернитесь к началу 3 главы. Я там написал: «покойного». Мой друг, московский экономист, Кирилл Коликов, умер.

– Давно? Извините. Ладно. Жаль. Но вы согласны сотрудничать? Я перешлю вам сценарий, и вы доработаете его по

своей схеме? Наш продюсер, Гуренков, Никита Львович, сегодня же состыкуется с вами. Вы согласны?

– Хорошо. Но, видите ли, я полный, стопроцентный атеист. Махровый, так сказать. Это сейчас не модно.

– Никита сказал то же самое. Потом мы все сгладим.

– А не боитесь? Не так давно против Юрия Самодурова снова возбудили уголовное дело. Вы знакомы с Юрием Самодуровым? Он директор Сахаровского центра. И ловля покемонов нынче не одобряется.

– Да... то есть, нет. У нас есть юристы, разберутся.

– Смотрите. Союз Православных Хоругвеносцев не дремлет.

– Ничего, юристы разберутся.

– Побьют ведь. Так сказать, устроят вам аутодафе.

– Бордигаров найдем. Вы, главное, сделайте свое дело. Знаете, как я это представляю себе: история человека, который стал потом богом. Почему именно он? Вы сами как думаете? Были же тогда другие. Иуда Галилиянин, например. Он и секту зелотов создал. Или аль-Кохба, сын звезды. Федра, Египтянин.

– Да вы подкованы на все четыре копыта. Честно, вы читали Руслана Хазарзара?

– Да, признаюсь.

– Так я и понял.

– Вы с ним знакомы?

– Пересекались пару раз. Он жил в Волгограде. Но, к со-

жалению, уже умер. В 2013 году. В апреле, если мне не изменяет память. Мне приступить к работе?

– Да. Я сейчас же звоню Никите. Он свяжется с вами.

– Буду ждать. До свидания?

– Да. До свидания. Кстати, нам надо будет как-нибудь встретиться.

– Весь к вашим услугам.

Кирилл нажал на красную кнопку и положил телефон на стол.

Почему именно Иисус? Действительно, почему именно он?

Тогда да сказал Исаия: слушайте же, дом Давидов! Разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднить и Бога моего?

Итак, сам Господь даст вам знамение: се, молодуха во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил.

Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь, отвергать худое и избирать доброе.

Глава 4.

Иисус Варавва.

– Египтянин...

– Имя мое – Еммануил.

– Прости, Господи.

– Говори.

Человек, выделяющийся среди других своим ростом, смуглой кожей и длинной, иссиня-черной гривой, какой уступала, наверное, грива знаменитого судьи Самсона, стоял посреди толпы своих сторонников, вооруженных палками, длинными ножами и римскими кавалерийскими мечами.

Одет он был в одежду назорея, состоявшую из грубого, тканного из верблюжьей шерсти, хитона, подпоясанного кожаным поясом, и даже эта грубая одежда у него была потрепана и разодрана в нескольких местах.

– Господи, по твоему слову мы все приготовили. Ты въедешь, словно царь в твой город Иерусалим и враги твои падут на лицо свое перед тобой.

– Я иду в удел свой по праву отца моего, Давида.

– Осанна!

Египтянин под ликующие возгласы быстрым шагом пошел вперед, рассекая толпу приверженцев. Они радостно кричали и славили своего предводителя, и было за что. Римский гарнизон с боем изгнан из Иерусалима, Израиль свободен, свершилось пророчество древних.

– Осанна! С нами Бог!

Египтянин сначала старался идти с важностью, как подobaет потомку Давида, но потом не сдержался и побежал. И это словно сняло плотину.

Сначала близкие Египтянина, его ближайшие помощники

и военачальники, потом простые воины, все кто пришел за ним из Галилеи и Иудеи сражаться с общим врагом, вчерашние землепашцы, гончары и плотники, с ликующими воплями бросились за ним, единым потоком стекая с Елеонской горы.

– Господи, не это, не это рек пророк, – на бегу пытался выговорить Египтянину старик в одежде священника, бывшей еще недавно новой и богатой, но теперь порванной и испачканной грязью и кровью, как и у всех других. Но в отличие от других, одетых с чужого плеча, наряд старика, судя по всему, принадлежал ему самому.

Он задыхался и, не в силах дальше бежать, остановился, хватаясь за сердце. Медленно и с трудом поплелся он в толпе бегущих. Его толкали, задевали оружием. Длинные римские ножны били его по ногам.

«Никакого почтения», – горько думал он про себя. – «А я бросил все ради них».

Он был знатен, принадлежал не просто к роду Левитов, а к роду Аарона, из которого даже при римлянах избирался первосвященник. Но он лишился всего из-за пагубной страсти к вину и игре в кости, пристал к Египтянину, и теперь уже считал сам и старался внушить другим, что потерял все ради святого дела.

Он последним дошел до окраины Иерусалима.

Толпа впереди,двигающаяся и колыхающаяся, скрывала от него происходящее, а из общего гула он не мог расслы-

шать ни слова.

– Раббони, – с арамейским акцентом окликнул его юноша.

– Иисус? Как все прошло? Расскажи, – старик тер грудь уже по привычке. Дыхание его выровнялось.

– Все получилось по слову твоему, раббони.

– Он положил сначала одежды свои на осла? – это интересовало старика больше всего, потому что это было одним из знамений пришествия царя-спасителя.

– Да, раббони.

– Был ли осел молод?

– Только что объезжен, раббони. Я разбираюсь в этом.

– Был он сын подъяремной? Это очень важно, – старик по привычке поднял кверху палец.

– Да, раббони. Я купил его у водоноса, и рядом, в узде, стояла его мать.

– Ты очень неглуп, хоть ты и из Галилеи. Уф. Все свершилось ко славе Господа. Теперь можно и не спешить. Пойдем медленнее и повторим псалом Давида, данный нам в преддверии сына его посланного. Начинай же, Иисус.

– О, Господи, спаси же, о Господи, споспешествуй же. Благословен грядущий во имя Господне!

– Да. Ты хорошо пропел, и, главное, вовремя. И голова твоя светлая и ум острый. Господь Бог вдохновляет тебя на слова правильные и мысли нужные. Пойдем же дальше, что-то там скопление народа, и все невозделанные. Что ж, труда не будет.

Иисус прошел вперед быстрым шагом и, дойдя до толпы, стал проталкиваться между ними, пробивая путь своему учителю. Он то и дело оглядывался назад, убеждаясь, что тот не отстает.

– Не бойся, дочь Сионова, Царь твой грядет на молодом осле, – громким, хорошо поставленным голосом заговорил старик, как делают это книжники в молитвенных домах. – О, Господи, спаси же, о, Господи, поспешествуй же. Благословен Грядущий во имя твое.

На этот голос люди оборачивались, смотрели на них и почтительно расступались.

– Равви, – из толпы протиснулся к ним один из сподвижников старика, молодой, худой и низкорослый человек из книжников-недоучек. – Все свершилось по Писанию: Еги... Господь наш исцелил слепого и хромого. Слышишь, как его славят?

Старик недовольно посмотрел на говорившего и пошел, обходя толпу, в сторону города.

Благодаря этому, он вскоре оказался между Иерусалимом и огромной толпой, состоявшей из восставших и горожан, приветствующих победителей.

– Осанна! – закричал старик. – Благословен царь израильский из семени Давида! Благословен Грядущий во имя Господне.

– Осанна в вышних! – подхватили из толпы.

Вся толпы заколыхалась, стала двигаться, вытягиваться,

освобождая проход, и по нему на молодом осле, то и дело сбивающимся с шага, поехал Египтянин, все мысли, чувства и стремления которого летели вперед стрелой. Но он старался держаться важно, дышать ровно и смотреть вперед царственным взором.

– Благословенно грядущее во имя Господа, царство отца нашего Давида.

Толпа кричала, радуясь, повстанцы бряцали оружием на римский манер, стуча мечами по щитам.

– Раббони, осторожнее, – Иисус сдерживал напирających людей, чтобы они не сбили и не затоптали старика.

– Осанна!

Старик, словно вдохновенно, сорвал со своих плеч верхнюю одежду и бросил под ноги ослику. Животное в который раз сбилось с шага, а люди вокруг, словно по команде, тоже стали стаскивать с плеч одежды и стелить на землю.

Скоро весь путь до города устлали разноцветные ткани! Красный римский плащ, зеленый иудейский халат; серое, полосатое; платки, накидки.

Ослик, напуганный всем этим, впал в то состояние, когда его не сдвинуть даже слону.

Напрасно Египтянин дергал повод, напрасно колотил пятками в бока. Ослик, вздрагивая всем телом, крепко уперся в землю всеми четырьмя ногами и жалобно заревел, прижимая длинные уши.

– Ты же царь, прикажи животному идти, – насмешливо

закричал из толпы чей-то голос.

– Над ослами не царствую, – громко крикнул в ответ Египтянин, проворно слез с осла и быстро пошел вперед, небрежно попирая ногами устланные одежды.

Толпа заревела восторженно. Пальмовые и миртовые ветви полетели под ноги народного вождя. Старик только покакивал и кашлял, когда Египтянин проходил мимо него.

Но в целом он был доволен. Египтянин, конечно же, глуп и горяч для царствования. Но со времен Самуила, божьи пророки не раз творили властелина из людей земли. За Египтянином стоит народ, его признали вождем сыновья Иуды Гавланита, среди его сподвижников есть книжники, за ним пошли не воинственные, презирующие мир, ессеи. Он истинный вождь страны.

Он умеет вести за собой, он одаренный полководец. Он победитель! Он изгнал из Иерусалима римский гарнизон. Он будет царем!

В город старик вошел последним, сопровождаемый только Иисусом. Лишь женщины и старики шли вместе с ним, переговариваясь о нынешних переменах.

Старик не слушал никого. Он спешил. Дом, в котором остановился Египтянин, снимал римский легат, начальник гарнизона, погибший вчера. Старик же выбрал себе дом рядом, принадлежавший начальнику сборщиков пошлин, главному мытарю Иудеи. Сам главный мытарь бежал, скрылся вначале восстания, потеряв в уличной бойне сыновей и зятя.

Ближайшее окружение старика заполонило некогда богатый дом, и пока он сам удалился для отдыха в спальню, все они: нищие и недоучки, разбрелись по комнатам, в поисках ценного. Только Иисус, думая о всех, отправился на поиски съестного. Спустившись в подвал, он нашел там муку, вино, крупы и вяленое и соленое мясо. Там же он увидел в углу корзины для субботней трапезы, и так, как приближался Шаббат, решил взять, тем более, что солома, необходимая для них, лежала тут же, под ногами.

Сгребая солому в кучу, чтобы было удобнее собрать ее, Иисус заметил кусок ткани в зеленую и белую полоску, выглядывавший из-за корзин. Сдвинув их в сторону, Иисус потянул за ткань. Гора сложенных друг на друга ящиков закачалась, мешки с мукой накренились, и все рухнуло, обрушилось и разломалось. Мешковина лопнула, белая пыль взвилась в воздух, и когда все осело, среди рухнувшей бесформенной кучи, поднялся человек, испуганно озираясь. Был он белый от муки и страха.

Иисус схватился за пояс, где висел большой галилейский нож. Человек резко подался к стене, еще больше перепуганный этим движением.

Иисус ободрился и миролюбиво развел руки.

– Кто ты? – стараясь говорить приветливо, спросил он. – Как твое имя?

– Закхей, – голос человека дрожал и звучал сипло и сдавленно от страха.

– Ты хозяин? Не бойся, я не обижу тебя.

– Нет, я сын его.

– Сын мытаря Фалева? Ух ты.

– Я не виноват. Я только помогал отцу. Ведь в Законе сказано: сын, да поможет отцу во всем. Правда?

– Ты знаешь Закон?

– Да, господин. Я учился у равви Иехонии.

– Не зови меня – господин. Я малый у господа.

Закхей кивнул все еще испуганно и настороженно.

– Это хорошо, что ты изучаешь Закон. Тогда ты должен быть честный, богобоязненный и полный любви к людям, как этот сосуд. Ты никогда не станешь таким, как твой отец.

– Но... мой отец тоже знает Закон. Он и сейчас ходит к садоку Авиуду. Мой отец хороший. Он всех любит и никому не хочет зла.

– Он мытарь, а это уже зло. Он обирает вдов и сирот до последней нитки и забирает у них вдесятеро больше положенного.

– Отец все, чем владеет, получил в наследство и приумножил трудом своим.

– Если бы было так, по улицам бы не ходили нищие, которых он ограбил. Не будем спорить, сын своего отца. Ты тоже будешь, как твой отец и тоже станешь мытарем. Верь мне, я верно говорю, потому что в Законе говорится: иди тропой, которой отцы идут. Но придет день, когда ты раскаешься и сам вернешь то, что получил несправедным путем. Перестань

трястись, отряхнись и приведи себя в порядок. Когда придет удобное время, я выведу тебя из города. А сейчас помоги мне собрать субботние корзины, и я отнесу их наверх, потому что меня послали именно за ними.

Закхей, уже осмелев, неожиданно усмехнулся.

– Прости, что я скажу тебе, господин.

– Говори.

– Ты ведь тоже знаешь Закон и чтешь его.

– Истинно.

– Но ты тоже берешь то, что тебе не принадлежит. Ты тоже подобен моему отцу и не вправе судить его.

Иисус покраснел и резко ответил.

– Отряхнись от муки и соломы. Твои слова написаны на лице твоём.

Смутившись, Закхей стал торопливо и шумно отряхиваться, а Иисус быстро пошел к лестнице, ведущей наверх.

Только после второй стражи восставшие стали успокаиваться. Но прошло еще немало времени, когда Иисус осмелился спуститься в подвал.

Закхей спал в углу на соломе, свернувшись в калачик. Он не только почистился сам, он еще убрал все следы недавнего разрушения, все поломанное и ненужное сложил в одну кучу, туда же сметя рассыпанные и раздавленные продукты.

– Эй, эй, сын подати, – насмешливо позвал Иисус, осторожно трогая спящего за плечо.

Закхей, еще не проснувшись, рывком сел и так и остался, растерянно моргая и усердно протирая лицо ладонями. Глаза его беззащитно и сонно шурились на свет факела, с которым пришел Иисус.

– О, Хабер, ты пришел! – воскликнул он, придя в себя. – Я думал, что умру здесь, и труп мой осквернит все съестное.

– Ты фарисей? – Иисус, зная, что времени у него еще много, вставил факел в кольцо на стене и сел рядом с Закхеем. Только сейчас он разглядел того: крепко сбитый, маленький и круглый, он был приятен лицом и носил небольшую рыжеватую бородку.

– Мой отец фарисей, и братья... и я. А что, ты не любишь фарисеев?

– Отец Небесный одинаково изливает благодать на всех. Мы тоже должны любить всех, – ответил Иисус, в который раз думая о лживости слов и дел на земле.

– Ты это хорошо сказал. А ты совсем еще молодой. Наверное, и неженатый.

– Нет. А ты?

– Женат. Жена с бременем поехала к родителям в Вифанию-портовую. Хорошо. Наверное, уже родила там. В ее семье все женщины должны рожать в Вифании.

– Почему?

– Так им рек пророк Одетта.

– Еще при древнем Царстве? Так давно?

– Она из древнего рода. Увижу ли я когда-нибудь мое ди-

тя, плод мой.

– Хватит, вставай, – Иисус резко поднялся, словно недовольный чем-то. – Надо идти.

Закхей замолчал и быстро встал.

– Я готов.

Иисус вынул из кольца вставленный туда факел.

– Иди за мной и не шуми.

– Хорошо, хорошо. Ты добрый, очень добрый.

Иисус, не слушая его больше, первым стал подниматься наверх.

Осторожно пройдя через привратную, они оказались на улице Иерусалима. Это была боковая улочка, довольно узкая для большого города, но она своим концом упиралась в широкую улицу, ведущую к Храму. Иисус хорошо знал эту улицу, по ней в праздничные дни шли паломники на поклонение. Тогда на ней бывало шумно. Сейчас же стояла тишина, и тьма окутывала все вокруг, только выломанные ворота, валяющиеся дальше по мостовой, напоминали о недавнем сражении.

В молчании, стараясь держаться стен, Иисус и Закхей быстро пошли, направляясь к восточным воротам. И если Иисус шел хоть и осторожно, но уверенно, то Закхей заметно отставал. Он все больше потел, ноги его немели от страха и подгибались.

Египтянин был бы плохой стратег, если бы не поставил стражу у городских ворот.

К счастью Иисус знал одного из стражников. Узнав его в свете костра, он заговорил первым.

– Мир тебе, Ахим.

– А, Иисус, – живо ответил тот, сонно щурясь. – Что ты здесь делаешь в такое время?

– Раббони послал меня за маслом на Масленичную гору. Пока дойду туда, солнце начнет всходить.

– К чему такая спешка, брат?

– Масло нужно покупать отстоявшееся, пока маслодавкa не начала работать, и его не помешали с только что выдавленным.

– Вот не знал. Теперь и я буду так делать. Спасибо, что научил. А этот тоже с тобой?

– Его послал равви Аса, друг моего раббони.

– Смешно ты зовешь его, по-галилейски.

– Я сам из Назарета.

– Тоже смешно.

– Открой ворота, мы пойдем уже. Давно пробили третью стражу, а мне нужно вернуться к молитве.

– Мне ли не знать про это. Пойдем, я выпущу тебя.

Остальные стражники лишь слабо зашевелились у костра. Иисус, вслед за Ахимом обошел их и пошел к воротам.

Ахим, отпирая калитку, еще раз посмотрел на его спутника.

– Слушай, Иисус, а он здоров? Что-то он выглядит больным.

– Он всегда такой, – ответил Иисус, пригибаясь и проходя в калитку.

Закхей догнал его уже снаружи, среди полей и деревьев.

– Спасибо, – горячо зашептал он. – Ты спас меня, и я хочу отблагодарить тебя.

– Иди и постарайся жить праведно, – сказал Иисус, оставившаяся.

– Да-да, конечно, и отец мой мне так же говорит.

– Прощай, сын отца, ты никогда ничего не поймешь.

Иисус подтолкнул сына мытаря.

Деревья скрывали от них стены Иерусалима с его кровью и ужасами. В небе светила луна, круглая, как блюдо. В ее сероватом свете ветви деревьев сплетались в мрачные фигуры. Это пугало Закхея.

– Слушай, брат, – повернулся он к Иисусу. – Пойдем со мной. Тогда я отдам тебе все, чем владею, И все, чем буду владеть.

– Искушаешь меня? – Иисус засмеялся. – Ты не владеешь ничем, кроме своей души и своего тела. Прощай, – он первым повернулся назад.

– Нет, это не так, ты не знаешь...

Иисус побежал и свернул за изгородку, скрывающую инжирный сад.

Ему не хотелось так быстро возвращаться, тем более, что он соврал стражникам у ворот. Тут он увидел дыру в изгороди – кто-то в пылу битвы решил разжиться инжиром. Про-

лезая сквозь нее в сад, Иисус оглядывался из осторожности. Среди деревьев, в мраке, мог прятаться и вооруженный римлянин, а не только такой бедолага, как безобидный сын сборщика податей. Но сад оказался пуст – ни души человеческой, лишь ветер с сухим шелестом колыхал тяжелую листву.

Стоял жаркий месяц элул – шестой месяц лунного календаря. Ветви смоковниц никли от спелых плодов, трава у корней высохла и мягко стелилась под рукой.

Иисус тихо опустился на нее, прислонясь к стволу старой смоковницы, и сам затих, как все в ночи. Он только дышал и думал, наслаждаясь покоем и одиночеством. Он знал, что Закхей ушел, знал, что он уже никогда не вернется в Иерусалим. Предчувствие давалось ему легко, он был уверен в правдивости своих предсказаний и ни разу не обманулся.

Он с прежней силой любил своего небесного отца – тем более, что земная мать отвернулась от него. Она больше не принадлежала ему, у нее были другие дети, а у Отца он был единственный.

Отец прислал его в мир, чтобы спасти людей. Но он молод, его никто не слушает. Слушают таких, как Египтянин, больших, сильных, с длинной бородой, тех, кто говорит много и громко. Люди верят седым волосам и поясу назорейства. Святыми считаются постные лица и громкое молитвы.

Если бы Отец захотел, то родил бы его сразу таким, но он создал его молодым и мятежным. В его груди билось сердце, полное любви к людям, он был силен для своего возраста,

высок и строен. Он полон стремлений, он знает путь к спасению, он и есть тот путь, но люди слепы и глухи. Они пошли за Египтянином, и он тоже пошел, а должен был сам вести. Отец покарает его за это. Иисус готов ко всему. Но пусть за карой последует благодать израненному Израилю, пусть накажут его одного, пусть Египтянин воцарится на Давидовом троне, лишь бы и на земле обетованной воцарился мир.

Иисусу стало жарко в душной ночи. Божии пророки жили долго, но его Отец заберет к себе быстро – это Иисус знал с детства. Поэтому он так спешил.

Сейчас он тоже вошел в то состояние беспокойства, которое толкало и гнало его по свету. Ему словно не хватало воздуха, он вскочил, оттянул ту ветошь, которая прикрывала его грудь и рванулся из сада.

С шумом отскочила от пролома и бросилась вон бродячая собака. Она ожидала преследования, но, обернувшись, увидела, что странный человек бежит прочь от нее. На этот раз ей повезло – ни камень, ни палка не покалечили ее старых боков.

Иисус бежал к Иерусалиму и пыль поднималась от его босых ног.

– Что случилось? Римляне? – открыв ему калитку, спрашивал Ахим. – Эй, ответь, назаретянин? Где твое масло?

– На деревьях, – ответил Иисус, пробегая мимо.

– Что? Масло и на деревьях? Где такое видано?

Иисус не слушал его. Сейчас ему нужно было быть среди

людей, в гуще, одиночество больше не для него. Уже не бегом, а быстрым шагом пошел он по скрытой в тени домов улице города. Она казалась ему длинной и мрачной, как чрево удава.

Найдя дом, в котором остановился его раббони, Иисус вошел в ворота. Проходя вовнутрь, он услышал разговор в задней комнате и направился туда через внутренний дворик, по пути размышляя.

– Важно, чтобы о нашем разговоре никто не узнал, равви.

– Да, брат.

Иисус остановился. И пока он думал, как поступить, голос, не знакомый ему, продолжал.

– Братья решили поддержать Еммануила.

– На нем сходятся все пророчества, – это был голос его учителя.

– Так же, как и на Галилиянине. И на...

– Не надо слов. Исаия рек, что спаситель будет рожден от колена Давидова...

– По линии Нафана, брат, как предрек Иеремия...

– По линии Нафана рожден молодухой. Праведная Реббека, мать его, родила в 14 лет.

Иисус пригнулся, чтобы о нем не узнали. Тихо ступая, он дошел до окна, из которого доносились голоса. Он знал уже, что слышавшие тайные разговоры быстро умирают, поэтому старался двигаться беззвучно.

– Соблазней не нас, а народ земли, – продолжали разговор

скрытые за стеной люди.— Мудрые давно знают истину. Не нам увидеть Спасителя, не для нас он будет дан.

Сердце Иисуса забилося, и он сжался.

— Но за Египтянином идет сила и мы признаем его.

— Неверующие. Вы убедитесь в своей ошибке, но будет поздно.

— Мы с вами. Разве этого мало? Зачем же ты искушаешь нас. Египтянину царские одежды вручит сам первосвященник Анна, и он же всенародно назовет его Еммануилом из рода Давида. Чего же еще тебе надобно?

— Хочу вернуть свой сан и достоинство.

— Все твое к тебе вернется.

— На том порешим. Завтра, перед Субботой, на площади.

И не забудь про чудеса.

— Будут чудеса. Лишь бы не видеть проклятых идолов в святом городе.

— Не перестаю удивляться вам, о последователи Саддока. Вроде вы и с римлянами и против. Чему верить, брат?

— Саддок, предок мой, был правоверным иудеем и достойным потомком святого Аарона. А римлян мы терпим вопреки своей вере и чувствам для того лишь, чтобы убереечь землю Авраама от окончательного разорения. Если бы не мы, голытьба бы уничтожила всех.

Иисус вздохнул. Ему хотелось видеть, что происходит в комнате, но он не смел.

— Напрасно ты сомневаешься в Еммануиле. Верно тебе го-

ворю, он из рода Давидова.

– Я узнавал. Его бабка была служанкой у Сары, жены Левиа. Хочешь видеть нового Исмаила? Лицезрей, но имя Давидово не оскверняй. Не то произнесут тебе хэрам за святотатство.

– Как ты обиделся, сын Саддока. Пусть будет, как ты скажешь, но всенародно вы возвеличите его Еммануилом и Спасителем.

– Тому быть. Пришли ученика, как договорились.

– Пришлю бен-Стаду.

– Кого?

– Иисуса. Я показал тебе его.

– А почему такое странное имя?

– Он сын плотника и пряжи из Назорета. Брат его носит пояс назорея.

– Достойный старший брат.

– Нет. Второй после него.

Иисус даже не дышал. Он слишком хорошо знал, что за слова дальше последуют.

– Он дал обет на время или навсегда? Очень достойный молодой человек.

– Нет. Он был посвящен Богу еще до рождения.

– Посвящают Богу первенцев.

– Вот поэтому я и называю его бен-Стада.

– Грех старшего искупает младший. Все понятно. Что ж, пришли его, посмотрю.

В комнате зашевелились. Иисус скользнул к стене. Слышно было, как внутри комнаты кряхтели и шаркали. Вот скрипнула дверь. Теперь надо было действовать. Иисус проскользнул во внутренний двор и хотел выскочить на улицу.

– Назоретянин, – неожиданно окрикнули его.

Иисус обернулся, не узнав голоса. Матфан-книжник из Эммауса звал его, стоя у входа в анфиладу.

– Не слышишь? Тебя зовет равви, скорее, я тебя полночи ищу.

Иисус согласно кивнул и пошел назад в дом.

«Бен-Стада» – слышалось ему, когда он подходил к двум старикам, ожидавшим его в тусклом свете лампадки в передней комнате

– Иисус, сынок, – начал его учитель, кашлянув. – Иди с этим господином, он передаст тебе масло для помазания.

– Слушаюсь, раббони, – Иисус привычно склонился.

– Следуй же за мной, – торопливо проговорил второй старик и первым пошел к двери.

– Спешите за ним.

Иисус послушно кивнул и почти побежал за мелко, но быстро ступающим потомком Саддока.

Идя уже по темной улице в почтительном отдалении от саддукея, Иисус обдумывал услышанное. То, что не надо верить всему, что говорят люди, он понял еще, живя в Назорете. Много из того, что еще недавно ему казалось прекрасным и справедливым, улетучилось, как дым. С этим он дав-

но смирился. А то, что он услышал о самом себе, касалось только его и было больным и обидным лишь вначале. Если смирить гордыню, можно и это признать справедливым. Он родился сыном своей матери, это верно. Имя же отца его ни один саддукей не посмеет произнести прилюдно. Быть же назиром, это лицемерие, истина не там.

– Эй, назоритянин.

– Да, господин.

Иисус, все еще думающий о своем, догнал потомка Саддока на углу Дворцовой улицы.

– Умеешь ли ты быть немым и глухим, назоретянин?

– Как прикажешь, господин.

– Надеюсь, ум твой длиннее твоей бороды.

Саддукей постучался в калитку и когда ему отворили, вошел в нее первым.

Иисус еще днем заметил, что ни один из восставших не заходил на эту улицу, но он даже не думал, что первосвященник остался в своем доме. Он очень удивился, идя за провожатым и видя вокруг себя привычную жизнь знатного иудея.

– Жди, назоретянин и прояви терпение.

Иисус кивнул и остался стоять возле маленького оконца, выходящего на темную улицу.

Что находилось внутри, он плохо видел. Тьма, едва освещенная лампадкой, окутывала его. Мысли его были на редкость спокойны и безмятежны. Он не боялся великих, потому что сам был велик.

Ему не пришлось ждать долго. Маленький и истощенный человек в полосатом халате вышел к нему из черноты распахнувшейся двери.

– Иди за мной, человек, – коротко сказал он и повернулся назад.

Комната, в которую попал Иисус, была ярко освещена светильниками. У дальней ее стены, в кресле, напоминающем трон, сидел грузный человек с длинной курчавой бородой. Волосы его скрывала домашняя шапочка. Домашняя одежда его была сшита из дорогой ткани и богато украшена золотым шитьем.

– Подойди ближе, назаретянин, – нетерпеливо велел он.

Иисус подошел и поклонился почтительно, сразу узнав первосвященника Анну.

– Ответишь мне толково, и я награжу тебя, – важно сказал Анна, поднимаясь из кресла.

– Осторожно, господин, – попытался удержать его, старик, приведший Иисуса. – Он может иметь спрятанный нож.

– Господь Небесный оградит своего раба, верно служившего ему.

Прозвучало это излишне высокомерно. Старик, привыкший к такому, лишь поклонился.

Иисус же даже не шелохнулся, словно не замечая ничего вокруг себя. Он спокойно и равнодушно смотрел на первосвященника.

– Кто ты, юноша, и откуда родом?

– Я Иисус, сын Иосифа из Назарета, что в Галилеи, – ответил он бестрепетно.

– Что ж, ты можешь отвечать. Тогда спросим еще. Давно ли ты служишь Иисусу Египтянину?

– С того времени, когда спеет виноград, с месяца севана, господин.

– Я вижу, что ты учился. Кто твой учитель?

– Рабби Азор.

– Фарисей. Что ж, видно, ты стал знатный книжник. Отвечай и дальше так же складно, и награда твоя найдет тебя.

Чем дальше говорил он, тем выше становился в своих глазах и в глазах присутствующих тут, а Иисус при этом становился все мельче и незначительнее. Он уже готов был превратиться в мошку или земляного червя, когда опомнился и, взяв себя в руки, глубоко вздохнул.

– Меня прислал к тебе мой учитель, и наградить меня может только он, – ответил ему Иисус, стараясь говорить вежливо. – Спрашивай дальше, господин, я отвечу тебе так, как на моем месте ответил бы тебе он.

Анна вспыхнул и быстрыми шагами вернулся к своему креслу. Он не ожидал такой дерзости от мальчишки, у которого едва пробивается борода.

– Язык у тебя длиннее твоего пояса, смотри, как бы это не довело тебя до беды. Знаешь, как поступают с юнцами, у которых слишком бойкая речь? Их забивают камнями.

– Нет, господин. По Закону камнями забивают за грех пе-

ред Всевышним и людьми, я же не сказал ничего грешного.

– Хорошо же. Речешь ты гладко, – первосвященник сел и собрал в кулак свою бороду, чтобы успокоиться. – Если же ты так же гладко будешь отвечать на мои вопросы, твоя жизнь в дальнейшем будет более счастливой. Чего от нас хочет равви Азор?

– Не понимаю.

– Равви Азор желает вернуться в Синедрион, или хочет чего-то большего?

– Я думаю, он хочет вернуть Царство Божие Израилю.

– Мальчишка! Ты сам не знаешь, что говоришь. Зваться мессией и не являться потомком Давида – это преступление по Закону. Тут даже и тайного сыска не надо. Он сам себя обвиняет, – Анна весь подался в кресле, словно готовясь вскочить. – Мне сказали, что ты ездил в Вифлеем к матери Египтянина. Верно ли, что ты там видел царский пояс Давида, даренный ему священником Ахимелехом в Номве, городе священников?

– Да, видел.

– Клянешься ли ты страшной клятвой в этом?

– Да, клянусь.

– И имя Божие вышито на нем золотыми нитками?

– Да.

– А если это поддельный пояс? – уже другим тоном, мягко и задумчиво спросил Анна словно бы Иисуса, и словно – самого себя.

– Никто не посмеет вышить святые буквы впустую, господин, – ответил Иисус, и Анна кивал в такт его словам.

– Верно. Но верно и другое, – Анна больше думал вслух, чем обращался к присутствующим. – Что ж, попробуем проверить это. Юноша, ты умен и пытлив. Силен ли ты в грамоте так же, как в пререкании со мной?

– Прости, господин, не желал тебя прогневить.

– Сможешь ли ты написать то, что чел на поясе в Вифлееме, в доме вдовы Ребекки?

– Да, господин.

– Принесите доску и уголь! – хлопнул в ладоши Анна, возвращаясь к повелительному тону.

Во внутренней двери показался слуга, поклонился, и вскоре доска и уголь уже были доставлены к подножию кресла первосвященника.

– Возьми же уголь, сынок, – необыкновенно ласково проговорил Анна. – И напиши все, что ты прочел на поясе в доме вдовы Ребекки и как ты запомнил это.

Иисус кивнул и, мало не сомневаясь в своей правоте, взял уголь и быстро написал четыре буквы:

І

– Вот, отче, и все.

Анна наблюдал, весь напрягшись. Ни движения, ни выражения глаз Иисуса не ускользнули от него. И только когда Иисус отложил уголь на полочку и вытер пальцы о полу одежды своей, отступив; откинулся Анна в своем кресле на

спинку и прикрыл глаза рукой, размышляя.

– Сможешь ли ты прочитать сие вслух? – спросил он, по-прежнему не глядя перед собой.

– Да, господин.

– Не спеши, – Анна убрал руку и пристально взгляделся в лицо Иисуса. – Знаешь о каре за произнесения имени божьего всуе?

– Я не согрешу, господин.

– Грешен в гордыне! – прогремел Анна, порывисто вскочив.

Иисус неожиданно даже для себя попятился.

– Клянись клятвою страшной и именем Вседержителя запечатай клятву сию, что ты, человеке, истинно видел в руках вдовы Ребекки из Вифлеема пояс святой.

– Клянусь небом и землей, огнем и водой и призываю Бога отцов наших Ийао в свидетели клятвы сей, – без запинки произнес Иисус, стоя в четырех шагах от первосвященника.

– На колени! – прогремел тот, хватая посох, приставленный к креслу и с силой ударяя им в мозаичный пол.

Иисус быстро, почти упав, встал на колени.

– Повтори снова святое имя Господа нашего и помни – не избежать тебе кары небесной, если солжешь.

– Клянусь отцом Ийао, – закричал Иисус. – Пояс держала в руках вдова Ребекка и шитое имя на нем горело огнем.

– Встань, – тихим голосом проговорил Анна. – Подойди ближе. Так. Стой. Опустись на колени, сниму с тебя грех

произнесения имени тайны.

Конец посоха коснулся коленопреклоненного юноши: сначала плеча, потом головы.

– Прощаю тебе грех произнесения, грех знания и все остальные грехи вкупе. Поднимайся. А вы идите вон. Я хочу остаться наедине с этим юношей.

Дождавшись, когда за последним служителем закроется дверь, Анна отставил посох и стал просто усталым человеком. Он спустился с настила на каменный пол и обнял Иисуса.

– Ты верно думаешь плохо, сынок, обо мне и о всех потомках Аарона? Думаешь, мы служим римлянам? Предаем святыни на поругание? Молимся на идолов? Нет. Но мы вынуждены делать много мерзостей. Ибо только мы и никто больше, поставлены пасти стадо Израилево, только мы поддерживаем мир и порядок на этой несчастной земле, мы спасаем несчастную дочь Израилеву от разрушения и поругания, а грешный народ сей – от изгнания и рассеяния. Мы пастыри и стражи. Но как тяжела наша ноша. Если бы грешный народ Божий только согласился разделить с нами тяготы нашего бремени, он бы согнулся в две погибели, до самых колен бы спустилась его шея.

Иисус молчал, глядя на первосвященника ясным и чистым взглядом.

Анна вздохнул, удивляясь его поведению в который раз.

– Что ж, иди. Уже светлеет небо. Я должен отдохнуть.

Мирро тебе дадут в превратной. Да, стой. Какой награды ты ждешь за нашу беседу?

– Я ее уже получил. Я в Израиле, со своим учителем и царем.

Анна усмехнулся.

– Иди, – жестко сказал он, возвращаясь к креслу.

Иисус быстро пошел к двери, но на полпути обернулся.

– Господин!

– Что тебе, дерзкий мальчишка?

– Господин, – Иисус шагнул вперед. – Позволь еще раз однажды прийти к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.